

Простудятся в траве босые осы...
(2002)

Редактор-составитель электронной версии сборника Сергей Сычев

«Простудятся в траве босые осы...» – шестой сборник стихов поэта Алексея Горобца из станицы Полтавской Краснодарского края.

Из аннотации к книге: «В новом (шестом) поэтическом сборнике поэт, сохраняя свойственную ему цветовую палитру и метафоричность, заметно меняет привычную тональность своих стихов.»

Представленный сборник стихов – второй в ряду сборников позднего периода, в которых поэзия Алексея Горобца встала перед читателем «в полный рост», во всех своих богатстве, многообразии и силе. Но это далеко не всё, что можно было бы сказать о нём. Сборник удивляет новизной, неожиданностью, революционностью мыслей и чувств, хулиганством (по-хорошему) в оценках, взглядах и способах их выражения, яркой попыткой продолжить эксперимент в созидании собственного неповторимого поэтического слова и отыскать свою единственную дорогу в поэзии. Усложняется и разнообразится ритмика стихотворений, в них появляется осязаемая порой глубина, появляется нерв. Поэту удаётся запечатлеть и сохранить для читателя едва уловимые моменты, без которых наша жизнь была бы скучна и однообразна. Например, один из тонких ценителей поэзии, прочтя стихотворение этого сборника «... Зацепиться за слово, движенье, случайную мысль», восхищённо воскликнул примерно следующее: «Авторитетно свидетельствую о том, что существуют такие моменты! Но мне никогда не удавалось схватить их и перенести на бумагу, передать в стихах! Высочайший уровень поэтического мастерства являет читателю этим стихотворением Алексей Горобец!».

Собранные здесь стихи обжигают прямою сказанного, волнуют душу серьёзностью поднимаемых тем, очаровывают красотой стиха и ранят совесть погружением в глубины сокровенного, требуя от читателя одного – Жить! Для стихов этого сборника характерна яркая ирония, порой едва заметно переходящая в сарказм, за которым, тем не менее, всегда прослеживается глубокая человечность автора и любовь к тому, над чем или над кем он грустно иронизирует.

К сожалению, этот яркий эксперимент завершился на предлагаемом вниманию читателя сборнике. Отголоски его можно ещё встретить в отдельных поздних стихотворениях поэта. Всевозможные маститые и не очень критики, обрушившиеся на Алексея Горобца после выхода сборника,

не поняли его, не приняли и не простили поэту ухода от привычной задумчивой размерности стихов, возмутились молодостью духа почти семидесятилетнего на тот момент поэта, позавидовали, сами того не понимая, показали собственную ограниченность, претендующую на право быть единственной истиной и единственным мерилом подлинности искусства. Поэт не устоял перед этим напором критики и в последующих сборниках вернулся в прежнее поэтическое русло. Жаль... Поэзия Алексея Горобца не перестала от этого быть подлинной поэзией с большой буквы. Но сколько ещё сокрытого в этом могучем таланте осталось неузнанным!..

По глубокому убеждению составителя электронной версии данного цикла стихов, этот сборник является лучшим в горбцовской поэзии, её вершиной.

Наилучшей иллюстрацией к сказанному будет упоминание следующей истории, связанной с выходом этого сборника.

Когда поэт приехал в типографию забирать тираж, к нему подошли молодые типографские рабочие, восхищённо поблагодарили за стихи и по большому секрету признались, что тайком от своего начальства изготовили лишних 50 экземпляров «Босых ос». Для себя.

Очень сомневаюсь, что кто-либо из непримиримых критиков «Босых ос» достаивался когда-либо такой высокой чести. Чести быть признанным народом Поэтом, перед которой меркнут все официальные звания, дипломы, медалки и значки. Читайте стихи Алексея Горобца, и вы найдёте в их строках ответы на многие вопросы бытия. Найдёте и удивитесь красоте, простоте и лёгкости этих ответов.

Как бы в подтверждение этих слов поэт в своих стихах призывает каждого из нас: будьте самими собой, не зарывайтесь в землю, не забивайтесь в скорлупу привычного, ищите себя, ищите свой путь, чтобы с гордостью можно было сказать о себе: «Я – человек!»

*Ты выберись на тот пригорок.
Там медлен мёд и тёрён горек.
Там ожиданье первых слов.
И забывая мрак и морок,
И постигая мрак и морок,
Ты угадай, найди свой путь,*

*Последний нелюдь,
Первый людь.*

(«...С оглядкой к делу приступай»)

Приятного вам чтения!

Алексей Борисович Горобец родился в 1936 году в Краснодаре. В 1960 году окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию им. С.М.Кирова, служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Автор десяти поэтических сборников, член Союза писателей России, публиковался в журналах «День и ночь», «Наш современник», «Континент», других периодических изданиях, лауреат литературной премии «Медицинской газеты». Стихи А.Горобца включены в антологию поэзии XXI века.

* * *

Бессонный час предутренней звезды.

А ветер в кронах зелен и прохладен был.

И белое пыланье бересты,
И пятна онемелой лунной патины,
И угольную,
Пепельную тишь
В душе твоей, где хворь и ожиданье,
Разъяла ночь, взяла в одно касанье,
Как будто ей на растерзанье дан я,
А мне она – для восхищенья лишь.

Как будто ветер, зелен и бесстыж,
Упал лицом на черепицы крыш,
Взалкав любви, свободы
И признанья.

* * *

Кричит кикимора. Агукает кукушка.
На плёсе веселится водяной.
Через забор собачка-потаскушка
Собачится вовсю, и пёс цепной
К ней тянется, рыдает сам не свой,
И про любовь агукает кукушка.

О, жрица земноводная – лягушка!
Вопи своё, и комарё в тоске
Пусть пляшет с водяным накоротке,
И глаукомно щурится избушка,

И стынет чайник,
И прикрыта вьюшка,
И отдыхает пахнувшая стружка,
И спит сверчок в углу на верстаке

И крадется с кувалдой в кулаке
По свежим стружкам
Тихий Буратино.

* * *

Эка штука – скончанье века!
Подытожим: печали нет.
Остаются: фонарь, аптека
И бессмысленный тусклый свет.

Как и прежде – избыток абсурда,
И мура, как всегда, мудра.
И унылая кама-сутра
Всё мордуется до утра.

Стронут стронций – окалина века!
Попривыкнем – и всё, как встарь:
Траки танков у велотрека.
Гарь аптеки. Фонарь-калека.
Дискотека. И для разбега –
Даль за далью, за далью – даль.

* * *

Окопы, надолбы, осколки –
С телерекламой или без,
А из Чечни уходят волки
И заселяют Красный лес.

И словно морок, грёза, мрия,
От них спасаясь, не от пуль,
До Тузлы, до Фанагории
Скользят рассветно-голубые,
Стада оленей и косуль.

Нам в кровь вошло,
Нам в гены вьелось,
Ещё тогда, ещё с тех пор:

Осколки скал,
Оскал и серость
Осатаневших волчьих свор.

И мы. О, как же мы устали!
От пустоты, от слов-плевков,
От холодов, где отчий кров.

Мы заплатили за любовь!..

И души заселяют стаи
Войной калеченных волков.

Примечание редактора: данное стихотворение очень топографично, поэтому, к нему, для большего понимания мысли автора, изложенной в его строках, следует дать небольшие пояснения.

Стихотворение ориентировочно датируется 2000-2002 годами, периодом, когда ещё не были в полной мере окончены военные действия в Чеченской Республике.

Красный лес – заповедник в Красноармейском районе Краснодарского края в правобережной зоне реки Кубань в среднем её течении, в 50-60 км. по течению ниже Краснодара. Знаменит своими благородными оленями и прочими копытными животными. По этой причине имеет совсем незначительную популяцию хищного зверя, контролируруемую служителями заповедника.

Тузла – остров (бывшая коса) в Керченском проливе. До начала осуществления несколько неудачной идеи кубанских властей сделать остров снова косой и породившей в итоге вялотекущий российско-украинский конфликт, известности почти не имел.

Фанагория – древнегреческое поселение на Таманском полуострове близ Керченского пролива, на руинах которого много лет ведутся активные раскопки. Название широко используется сегодня применительно к данной местности.

Тузла и Фанагория расположены в непосредственной близости от устьев реки Кубань (старого и нового). Старое русло впадало в Чёрное море, новое – в Азовское.

* * *

Ну вот и август! Рок-парад цикад
Сегодня в ночь, и ты как будто рад,
Забыв, что речь – о завершенье лета.

И лезет без билета и привета
Через порог чертополох-хичкок,
Ещё не осознав своё ничто-
жество: он так киношно страшен
И чёрно-бел, что незаметен даже,
Поскольку на слуху – парад цикад

И там, где завершаются асфальты,
В колючках, травах, травяной пыли,
Щипковые настраивают альты
Рок-музыканты (менестрели, скальды) –
Наземные насельники земли.

А наше дело – слушать, и терзая
Зубами локти, а лицом – бетон,
Вдыхать небес хрустальный самогон,
Чтоб зная, забываясь, забывая,
Улыбкой на негнущихся губах

Скрывать
Своё смятение и страх.

* * *

Рисуют птицы по небу пером
И тушью ночь, и пролетают мимо.
Им просто позарез необходимо
Расшифровать свой собственный геном.
А заодно узнать
Не родила ль козла
Зачатая рукой овечка Долли.
И вообще – кто потравил нам поле?!..
И почему – по дурости? Со зла?..

А ночь рисует нам углём – зарю,
А силуэты птиц – пером и тушью,
И красит охрой – всё темней и гуще –
Берложий мрак и беловежье пущи,
И лавровишен ялтинские кущи,
И нас –
Весь век безропотно несущих
Свой крест.

Я о России говорю.

* * *

Коровий хвост вершит судьбу слепней
И оводов, и насекомой твари,
Что в кровядном суетном угаре
Зудит, летит влечься посильней.

Не всем дано ужраться и удрать.
Судьба проста – хвостом да и в лепёшку.
О, светлых мыслей неземные мошки!
Ну, дай ты им дозреть, корова мать!

Дай распознать
Счастливых и злосчастных,
Взлелеять первых, а вторых – бежать,
Дай щедрости набраться
И признать,
Что – да, что всё бесценно и прекрасно,
И жизнь ясна,
И даже неопасна,
Особенно в безветрие, при красках
Волны (взрывной, допустим) если внять
Её резонам – и не замерять
Земли уже обугленную пядь,

Но грустно и застенчиво слинять,

Уверовав,
Что прожил не напрасно...

* * *

Этот век –
Для живущих он станет чужим.
Для живущих без нас.
Он останется с нами.
Мы разденем его. Мы его обнажим!
И до чресел и лядвий
Разденемся сами.

Нам всего-то осталось – себя разделить:
По диетам. Бараньей, свиной. Или рыбной.
Пусть запомнит страна, каково оно – быть,
Выгребаясь меж Сциллой и той же Харибдой.

Осыпаются листья. И звёзды Кремля
Камуфляжны, как звёзды кейфоровых шлемов.
Ожиданье, напряг и разряды на клеммах.

И ночная планета. Похоже – Земля.

Где станичный роддом
И дремотны поля.

И над старым погостом – звезда Вифлеема.

* * *

Надрывен рык измотанной страны
И нескончаем как проблема выбора.
И тянется от Тузлы и до Выборга
Меридиан оборванной струны.

Тут есть, пожалуй, от чего отчаяться,
На принтерном растёкшился листе.
Мозги как бы всё больше размягчаются
И утекают. Но отнюдь не те.

И немотой томясь, на волю просится,
В тиши освобождаясь от оков,
Пусть – безголосица,
Пускай – пустоголосица,
Плакучих, но плескучих облаков!

А счастье наше –
То мычит, то телится,
И заметёт апрельская метелица
Печали все,
И трудится умелица –
Кириллицы пчелиная трава.

О, тишины медвяные слова!..

Пока вы есть –
Ну, и Россия теплится.
Пока вы здесь –
Ну, и земля жива.

* * *

В утомлённой своей усталости,
Как волны у сухой реки,
Обеззубевшие от старости,
Отпущения ждут грехи.

Впол своей лошадиной силы
Напрягаясь держать ответ,
Жрут колючку и бересклет,
Вспоминая – а как там было?..

Только что им! – всё шито-крыто.
Тишь да гладь, благодать да тишь:
Невод рван, в драбадан – корыто,
Двери – гниль, да и крыша – сито,
И в клети голодует мышь.

И небес воровское быдло –
Вороньё – свой наземный след
Оставляет,
Как вторчермет
Вдоль дорог наших бед-побед, –

Уверяя,
Что так и было,
Уповая
На давность лет.

* * *

Весна в пруду.
Движеньё трав и рыб.
Движеньё вождлений и желаний.
Тяжёлый шмель в отставленном стакане
Упился, обескрылел и прилип.

Топтанье лета вызывает скрип
В извилинах души, душевный скрежет.
Всё больше пыли,
А любовь – всё реже.
Май выцветет,
В июне пух заснежит,
Закиснет пруд, и мелководных рыб

Сожрёт
Гниенья выморочный гриб.

И нам поврозь
Останется на память
Любви случайной медленная зыбь,
Тишайший пруд и разговоры рыб,
Да фырк шмеля, что, наконец, отлип
И улетел, допив вино в стакане.

* * *

Количество
Исходит в качество!
А впрочем, это не про нас.

Сквозит история-растратчица
По трассе Крым – Тамань – Кавказ.

Собаки лают. Ветры мечутся.
Кривятся и скрипят кусты.
Ещё не утро. Спи, Отечество!
Дороги мокры и пусты.

Ещё не утро. Тучи сонные,
Антенны и кресты обняв,
Своей печалью мир объяв,
Являют сны, являют явь,
Кропят дождём глаза оконные

И выполаскивают досиня
Мосты, паромы. И зане
Притих Темрюк – спит Феодосия,
Прильнув к песчаной простыне.

А время всё не гасит свечи нам!
И ни суда, ни дела нет.

Спи, разведённое Отечество!

Да будет
Кроток
Твой рассвет.

* * *

Фиксажные проплешины в альбоме.
Коричный запах выцветших страниц.
Ну, кто ещё о них расскажет, кроме
Пустых зеркал, в твоём живущих доме,
В которых отражалось столько лиц.

Вот это – дед, вот прадед, это внуки.
Вот это баба Настя в шёлковом платке.
А это кто – верхом на рюкзаке?
Вдвоём – и ни полслова о разлуке!..

И не было нам знать иной науки,
Чем вкус дождя да шорохи зарниц,
Привал в пути,
Да эту вспышку-блиц...

И даль весны,
И запахи,
И звуки
Оттуда нам протягивают руки –

Ни блок-постов не видя,
Ни границ...

* * *

Собаки не любят стихов и рычат подозрительно,
Хотя этот факт не проверен и мало о чём говорит.
Упряма собачья любовь и всегда удивительно
Созвучна с бездомьем, тоской и обидой,
И ритм
Рычання, вытья, скулежа или честного лая
По форме докучлив, но по содержанию таков,
И попросту странен
Весь длинный набор твоих веских рифмованных слов.

И всё объясняя усталостью, спешкой, невзгодьем,
Засильем бессилья и переизбытком мозгов,
Мы всё-таки пашем бесплодные наши угоды...

Не веря в неверность
И веря –
В собачью любовь...

* * *

День ото дня всё явное и сущее
Становится расплывчатей и мглей.
И жизнь твоя, тебя на части рвущая,
И хмель, и соль степных твоих кровей,
И... не спеши! Помедленней старей!

Живи помедленней.
Прильни к стерне, земле,
К траве прислушайся,
К пчеле, хотя бы – к тле,
Поверь воде, прозрей
Да и узрей,
Что всё в тебе озорно,
Обло, как
Те чудища, что ночью в облаках
Глазами зыркают,
Гремят, грозят, и тени их
Лесная укрывает полоса,

Где тополя,
Своих тусовок гении,
Царапают ветвями небеса...

* * *

Об этом мало знают, и оно
Нас, в общем-то, не очень беспокоит.

В твой мир приотворённое окно
Темным-темно,
Однако всё же кое
Что в нём заметно и знакомо нам
По тем полубессонницам и снам,
Когда так душно, немощно и липко...

Допустим – жертва, генная ошибка,
Пробирный гений, некий Имярек,
Ну, созданный...
Ну... скажем... человек...
Вполне наивный, без обиды, без
Предубеждения, хоть не без занудства –
Он к нам с тобой,

К тебе свой торит путь,

Чтоб стать твою поняв,
Поверить в суть,

В бессмертные нам души заглянуть...

И с воплем сострадания –
Отшатнуться.

* * *

С оглядкой к делу приступай.
Паши не мелко. Сей не густо.
Всё жизнестойкое искусство
Своё яви – и прорастай.

Через фонирующий ров
Переберись на тот пригорок.
Там в бортях мёд не то, чтоб горек,
(Ты радиацию учёл),
Но страшны жала диких пчёл,
Живых и на тебя похожих.

Не торопись не лезь из кожи
Понять, что здесь произошло.
Ещё и века не прошло,
Как на кирпич, бетон безликий
Упал в объятья повилики
Твой искажённый криком рот

Нам впереди – веков семьсот
Свободы самовыраженья –
Полураспадного броженья
Цветов, лишайников, грибов

Ты выберись на тот пригорок.
Там медлен мёд и тёрен горек.
Там ожиданье первых слов.
И забывая мрак и морок,
И постигая мрак и морок,
Ты угадай, найди свой путь,

Последний нелюдь,
Первый людь.

* * *

Этим зёрнам не стать налитыми колосьями ржи.
Их сожрут озверевшие за зиму мыши и птицы.
Память вервие вьёт, память загодя точит ножи,
Чтобы время усечь и самой на дверях удавиться.
Время скрылось,
Увязло в брегетах, напольных часах,
И не в силах вернуть нам
Ну, самую малость...

Старый вяз, что над нами –
Он вскоре засох и зачах,
И от веры его
И любви
И следа не осталось...

* * *

Чувство долга меня тяготит.
Долг перед временем (время сажать картошку),
Перед собой (ухо болит – отит!
Капаю тёплый спирт:
В ухо – чуть-чуть,
Внутрь – по столовой ложке).

Долг перед прошлым, которое вовсе и не старо,
А скорее наоборот, ещё и не утвердилось,
Перед любовью к стране, которая утомилась
От этой любви и забыла про
Геометрию, географию, вообще – про г е о,
И ушла, и пошла налево,
И собой торгует где-то на стороне...

Ну а мне, нам с тобой, нам хватает вполне –
По чуть-чуть, по столовой ложке:
Удобрять буряк и пасти картошку,
Поливать укроп, сельдерей, спаржу,
Вообще, заниматься простым, неказённым делом,
И признав долги, которые ты не делал,
Завершить свой день обретеньем ночи,
Где всё явное проще, верней...
А впрочем,

О ночах
Я потом скажу...

* * *

Распутица.
Не по себе сегодня
Мне от дождей и серой темноты.
Мне – по тебе...
Распутица и сводня,
Весна-красна до наглой наготы
Раздела всё –
И зимнюю дорогу,
И сад в окне, и щебень под окном,
И дом на слом,
Где всё почти вверх дном
Для нас с тобой,
Где страсть к итогам, крохам
Разумного, сводила всё потом,
Чуть позже, к торопливому нищанью
Души, непониманью тишины

И к мутным,
Жадным выплескам весны –
Как сводкам нескончаемой войны
Любви – с самой собой –
За выживание.

* * *

Памяти Тамары

Пишу письмо – давно тебе пишу –
На кисее дождя, в линованной тетради
Трамвайных улиц, истинности ради
Все мелкие детали привожу.

Почтовый дилижанс куда-нибудь
Его сvezёт. Мне адрес неизвестен.
Но лошадям овса, вознице – песен
И мудрости достанет на весь путь.

А впрочем, торопиться ни к чему,
Поскольку – зимний дождь,

И мостовая
Скользит, звенит, подковы обрывая
У лошадей почтовых,

И уму
Непостижима дикость расстоянья,
Что вдруг легло меж нами...
И стоянье
В очередях, где прошлогодний снег
Дают задаром (было бы желанье
Его спросить) – бессмысленно:
Он – снег.

Он знает срок, он снег,
Он изначально
Нам неподвластен –
Здесь, тем паче – там...
И по заросшим силовым полям
Петляя дилижанс, как будто впрямь
Он тягло и возница,
И в звучанье
Его рожка – сиротство бытия,

Где сам не зная, сберегаю я

И мокрядь луж,
И кисею дождя.

* * *

Геометрия гор проявляет трёхмерность вблизи.
Запах камня созвучен с теплом и прохладой прибоя.
Тормозни наверху, поразмысли и соотнеси
Обездвиженность гор и подвижность прибоя –
С собою.

Камнепады застыли, как полчища каменных крыс,
Каменевших века и навеки оставшихся в камне.
И, обманет, повис над ущельем капризный карниз,
И текущий ручей растекается в плёсы и плавни.

Тормозни на ветру, если ветер просторен и тёпл,
Что само по себе – сочетание тепла и простора –
Очищает нам душу от хлама, душевного сора,

И уводит к истоку, который ещё не истёк.

В горизонт, в одномерность
Уйдёт многомерный прибор,
Геометрия гор перейдёт в планиметрию моря.
Тормозни, обернись – обними!.. Не переча, не споря,

Обними этот мир,

Что всегда был тобой,
Лишь тобой.

* * *

Простудятся в траве босые осы – и
Процесс пошёл – и за собой увёл
Наивное бахвальство, радость осени:
Полёт листвы и тягу сонных пчёл.

И постепенно, медленно, не сразу,
Сменяя сладкозвучье пчёл и ос,
Царапнет ногтем по стеклу мороз,
И музыку зимы воспримет разум
Смолистых слёз,
И всё опять вразброс:

И мысли о деревьях, и деревья,
Входящие то в ступор, то в озноб,
И голый гул дождей, где, онемев, я
Готов был стыть и гибнуть,
Только чтоб
Не утратить счастливого предела
В осеннем том соитье душ и тел,
Чего зима хотела, не хотела,
Страдала – и осталась не у дел...

Теперь ей зимовать над летней прелью
Сырых стогов, над серостью снегов,
Притоптанных дождём, над канителью
Подтаявших метелей, над капелью
С косых антенн, карнизов, проводов.

Теперь ей ждать – и отвергая помощь
Горячечных и сбивчивых ветров –

Ей ждать тебя –
Волнующей, как полночь,
Пугающе похожей на любовь.

* * *

Зацепиться за слово, движение, случайную мысль,
За случайный клочок отдождившей, иссякнувшей тучи,
Но остаться с тобой, рядом с небом, простудами, близь
Этих серых рассветов, Бог знает, куда нас несущих.

Засмотреться на ветер, на мокрое утро, на тень
Потерявших себя белых птиц у подножья прибоя.
Как случиться смогла эта синяя сень, эта звень
Непокоя воды и небес неземного покоя!

Нам довольно далось – и упасть, и друг друга найти
В сенокосье лугов, где звенят свиристелей цевницы,
Где забыть – и не слушать,
Не слышать, как время стучится
И потерянными птицам стремится на помощь придти

Чтоб случилось,
Сбылось,
Всё, что с нами не может случиться.

* * *

Горит закат – темно, цветно и дымно
На нефти, вроде бы?..
Скорее – на крови.

Да восхитись, душою не криви!

Вот заструились звёздные пути –
Красивости, от коих не уйти,
Где пониманье слов интуитивно,
Где умирать легко, хоть и противно,
Где зной, пожар
И выгорает рожь...

И ты, конечно, мимо не пройдёшь,
(Но не сгоришь – ну, разве, обожжёшься)
А там, глядишь, и впрямь подразберёшься

В небесных огневищах
И поймёшь:
Он скорбен –
И невзгож,
И непогож,
Твой крестный путь.
Он был и остаётся
Землёй меж скал, песчаником, рекой

Да тихой влагой старого колодца,
Что опойт, спасёт –
И захлебнётся

Тьмутараканской вековой тоской.

* * *

Нам изначально было всё дано,
Поднесено, считай, почти на блюдце.
Но ты, пройдя сквозь звёздное окно,
Назад и не подумал оглянуться.

И что теперь искать, кто виноват,
Солому стлать, допустим, или вату?
Тут небеса, конечно, виноваты,
А им тем боле незачем назад.

И насчитав семь бед в рассвете лет,
Ты, может, и вернёшься, но клеветом
Иных миров, забыв при всём при этом
И свой закат, и первый свой рассвет.

И совмещая плотные тела
С астральной там и прочей эфемерью,
Ты обратишься сам в свою потерю
Да и смиришься – родина взяла.

И в жажде забывая о еде,
И не внимая жажде вечной жизни,
Ты припадёшь к надгробию отчизны
И возопишь – о сущей ерунде:

О давнем несогласии с судьбой,
О бренности любви самозабвенной,

И этой, угасаньем убиенной,
Младенчески языческой вселенной,
Истоптанной межзвёздной голытьбой.

* * *

Сорняк выходит на задание.

Он расторопен, жилист, крут.
В течение нескольких минут
Он обеспечит отрицанье
Твоих попыток и надежд
Закреть в хозяйстве брешь
И плешь
Прикрыть большим листом капусты.

И хоть пили его, хоть режь,
Хоть изводи крутой прополкой,
Он прёт на солнце –
Клейкий, колкий,
В цветной Брюссель,
В капустный Льеж,
В агроустой мироздания –

В тот сад твой старый,
Что устал
Творить земное – и восстал,
И прежним – снежным,
Вьюжным стал,
Как будто нам с тобой
Отдал –

На боль, беду и стыд всезнанья –

Свой тайный пропуск в подсознание
С открытым
Выходом в астрал.

* * *

Легко и влажно отцвела
Сирень. Свой смелый стиль
Она черёмухе сдала.
А тут и новые дела –
Цветёт полынь-ковыль.

Цветёт.
И некий трансвестит,
Чей пылью полон рот,
Уже наметил пол и род
Травы, что завтра зацветёт
И дымно возвестит

О взявших след крапивах-псах,
О жрущих удила
Бойцовых травах, в чьих глазах,
Устах усталых и усах
Ухмылка залегла.

О, в этой зелени-слюне,
В цветочных зелениях,
Ты доверяла только мне:
Ты так страдала обо мне,
Что всё, что было вне, вовне
Любви – внушало страх.

И мы спешили в ночь, в игру
Любви, игру огня,
Где возвращенья по утру
К переживаньям дня,

Где летний вечер –
Вечен, тих,
Закатен – был бы рад
Отдать любви
Свой код, свой штрих,

Пока наш век, скинхед и псих,
Нам не задул закат...

* * *

Как долго тянется луна!
И звёзды всё не гаснут.

Так нудно тянется она!
И желчь свою на землю, на
Меня – цветно и грязно –
Всё льёт,

Как будто с ней вдвоём
Мы вместе, а не порознь,
Как будто жёлтый окоём
Небес – гнилушный водоём,
Где цвет и мреющий объём,
Сгустив созвездий поросль,
Сумели выморить рассвет,
И ночь – неодолима

И звёзды падают в кювет –
Или куда-то мимо.

* * *

А жизнь бледна.
Но как ярко искусство!

В этюдники, блокноты, на холсты,
Хоть начерно, хоть начисто – в листы
Атласные –
Вноси то место пусто,
Где уходили и сбивались с курса
Заплаканные серые киты.

В журнал учёта снов и сновидений
Смелей вноси пучины свальный грех,
Брех альбатросов и скалистый берег,
Спасательных жилетов пересмех,
Девятый вал и шквал морских утех,
Где самый верный способ искупленья –
Акуля пасть, приемлющая всех.

О, старых кораблей древесный стон!..

Цветут кувшинки. Плавают планктон.

* * *

Ты рвался ввысь? Ну вот и упади.
И ушибись. И вдребезги. Разбейся!
Ну, крылья остригут. Отменяют рейсы.
Аэрофлот опять проверит кейсы.
А в моде, как и были, будут рельсы
И перестук затюканных колёс.

Но это всё неважно.
Ты вознёс
На миг единый всё, чем не пророс
Наш долгий век.
Теперь – не твой вопрос.
Цветёт полынь и зябнут эдельвейсы.
И на откосах лёгкий перекос
Вдруг выпишет тверёзый тепловоз.

И осень,
И смирение берёз,
И первый снег переметает рельсы.

* * *

Взрывное напряженье тишины –
Итог ненормативного общенья:
На скорости предельной торможенье
Грозы,
Что принеслась со стороны
И врезалась
Плашмя, с разгона – в горы.

И что там наши ссоры-переборы,
Когда ей даже горы не нужны!

Она и так всё круто перепутала:
Движенье рек, беспутное и мутное,
Горячку ледниковой седины,
Совиные испуганные сны,

И ложь твою,
И сладкий хмель вины,
И глупость,
Что всегда мудрее мудрого

И этот гром,
Что тише тишины.

* * *

Где Южный Крест,
А где Медведица –

Мне до бесстыдства всё равно:
Все телескопы в небо целятся,
Всю ночь таращатся в окно!

А мне к чему?
Что в небе нужно мне?..
Зима – зарвалась, завралась.
Метель, весенняя и южная,
Опять в саду разводит грязь.

Снега её давно растаяли
(Сугробы, льды – алаверды!)
И ни глотка нам не оставили
В живом огне живой воды.

А чтобы нам
В трубу не пялиться,
Считая звёзды и ворон,
Наш бог любви, шептун и пьяница,
Наш забулдыга купидон
Запустит старый лохотрон
Ночных небес – и всё расставится,
И сдвинется к восходу дня,

Где бить челом, и быть, и маяться,

И счастливо и долго каяться,
Взывая
К мудрости огня.

* * *

В дни благоденствия
Готовься к чёрным дням.
Так сказано.
К зиме готовься летом.

По крышам погуляв, по парапетам,
Бордюрам там и всяким фонарям,
Любовные сполна изведав муки,
От пуза поорав и отблудив,
Валяй, включай урчливый свой мотив,
Поизлучай нам эти инфразвуки.

Чтоб стало всё, как будто всё давно,
Как будто снег, тепло и дремлет печка,
И сыч на чердаке, и волк за речкой,
И то потухнет, то погаснет свечка,
И снег, и чёрно-белое кино.

А кот – наглец. Он выпихнул меня
Из дедова реликтового кресла,
И бессловесно
О давно известном
Старается, урчит – и мыслям тесно,

Но это
Не вместилось – ну, не влезло

В менталитет
Сегодняшнего дня.

* * *

Всему приходит свой конец,
Но быстро,
Как же быстро!..

Поленья – комли в семь колец,
Поленья – тёсы под венец,
И хлещет пламень-молодец,
Разнуздан и расхристан.

И озарён, и счастлив лес!..

И долетают до небес,
И увлекают в небо лес
Неискренние искры,

А мгла с дождём наперевес
Уже на Цне, на Истре.

* * *

Этот полдень, как полночь.
Он чёрен своей белизной,
Тёмной сутью воды
И блистаньем распахнутых пахот.

Это похоть зимы
Делит влажное ложе с тобой,
Изводя перегнутой
На лишайники, перхоть и слякоть.

Эта полночь, как день,
Где дела недозавершены.
Где попыткой дождя
Оскверняется труд снегопада.
Где на льдистом снегу
О любви письма возжены.

Ты прочти их, сумей.
И поверь.
И умри без огляда.

* * *

Щеглов повыпустим на волю и
Домашних рыбок выльем в пруд.
Весны всё больше – и тем более
Мне философской меланхолией
Отгородиться не дадут.

Пропишет по число по первое
Нам хлестких ливней первый гром.
И захлебнётся окоём.
И древесина вспомнит дерево,
И воду вспомнит водоём.

И окна распахнёт и выставит
Дверные рамы вешний дым,
И мы забудем Крым и Рим,

И медны трубы, что храним

И тихо возблагодарим

Сады,
Где зеленеет изгородь
Меж этим миром и иным.

* * *

Игра по-крупному –
Стаккато тяжких капель
По раскалённым кровлям.
Злость озона.
Кажденья туч обрисовало зону
Обвальных ливней,
И лиловый лист
В окно вlepился в поисках укрытья.

И сотворён вслепую, по наитью,
Тот самый, без ветрил и без рулей,
Фрегат ночной взлетит со стапелей –
Воздушный твой фрегат!..
Его команду,
Слегка поддатую, готовую и вправду
Пропить компас, ты всё же пожалей

И всех прости,
И не гоняй по вантам
Ловить руками бесполезный бриз.
И осиянный умницей-луною,
Плыви себе над сирью Землёю,
Вернув и Кордильеры ей,
И Анды,

И тот, в окне,
Лиловый мокрый лист.

* * *

Спешить нам некуда:
В остатке – бесконечность.
Спряmlяется спираль круженья мира.

Теперь здесь пусто, ветрено и сыро.
И берег чист, и небосвод застиран,
И старая свирель (цевница, лира)
Двери входной
Скрипит, чтобы отсечь нас
От звуков, знаков внешних
И совсем
Уже нам чуждых аксиом и лемм,

Где дважды – два,
Где еретичность клира,
Где биты лбы, хоть пядей – семью семь

И где для нас ни болей, ни проблем

С крушеньем там
Иль с сотвореньем мира.

* * *

Дымит и раскисает
Грязь на грядках,
А в подворотнях лужи кривят губы.
И ветер лезет в форточки и в трубы,
И в дымоходы,
Выставиться рад, как
Беспечный друг и вечный фантазёр.

Мы заодно с ним с некоторых пор.

Мы твёрдо знаем – квёлая погода
Есть благо, передых от огорода,
От праведных трудов.
И разговор
У нас с ним свойский.
Выломав забор,
Торчит, свой расширяя кругозор,
Балбес оторопелый – куст жасмина.

А жизнь спешит куда-то мимо, и на
Дорожки, грядки дождевой червяк
Повылез, подаёт воронам знаки,
Выписывает сигмы и зигзаги,
И машет кулаками после драки,
И выясняет, где зимуют раки,

И попадает, как всегда, впросак.

* * *

Богата вдосталь инженерами
Заблудших душ и блудных тел,
Объята страто-ноо-сферами,

В чаду своих житейских дел,

Земля – она, пожалуй, круглая.
Хотя, конечно, не везде.

Трава, горячая и смуглая,
Нас не узнала. Быть беде!..

И рухнув с шумами и гамами
В прокрустову её кровать,
Теряем почву под ногами мы,
Боясь друг друга потерять.

И о любви не смея речь вести,
О, как мы верим в чудеса,
Где постижимы бесконечности
И достижимы небеса!..

* * *

Что правильно,
То, как известно, верно.
Зло бесконечно, а добро безмерно.
Цветёт в апреле майская сирень.
Апрельский ландыш доцветает в мае,
И на краю зимы в кубанском крае
Исходит снег и прибывает день.

Всё по уму.
А то, что непонятно –
Оно, конечно, глупо и темно.
Кувшинки возвращаются на дно
Застойных омутов,
Где гниль и водяные,
И что им там,
И кто они такие,
Нам как-то всё едино,
Всё одно.

Зло соразмерно,
Что не так уж скверно:
Добро – оно не выживет без зла.
Под воблу пиво
И забить козла –

И в каждой подворотне
По жюль-верну,
И мудростью сквозит из-за угла.

* * *

Свой гороскоп мы знаем наизусть.

Подножный сор пощипывая споро,
Пасётся возле лужи у забора
Зачуханный и грустный
Сивый гусь.

Весна
В пылу расчётливой свободы
Разбрызгалась дождём –
И кончен бал.
Солируют кроты – их чёрный нал
На откуп взял
Сады и огороды.

И ночи всё докучливей и суше.
И что ни день –
То всё вчерашний день

И сивый гусь в заплесневелой луже
Пугает нецелованных лягушек
И отгоняет собственную тень.

* * *

Замшела и темнобока,
Но как же приветит глаз!
Притвор, след ограды сбоку.
Душа воспарит высоко...
Не мы выбираем Бога.
Бог выбирает нас.

Мы помним, почём фунт лиха,
Шмат солнца и жбан дождя.
Но тихо в притворе, тихо...
И колется облепиха,
Слезую ладонь желтя.

О чём её плач? О нас!
О каждом. Отдельно взятом.
О каждом, кто на попятный
И рад бы (о чём тут сказ!),
Да слишком вольна дорога,
Да спеси, гордыни много...

И мы по пустым отрогам
Скользим, уходя до срока,
И всё удивляем Бога...

И Бог удивляет нас.

* * *

Памяти Дениса Ивеншева

Тамань давно не скверный городишко,
Но так осталось в памяти – и ладно!
А новое не слишком и накладно:
Асфальт, да за пригорком телевышка.

Белеет – с моря – берег одинокий.
А Странник Божий – в бронзе и не виден.
Безвременьем обижен и обиден
Друзьям (почти друзьям), из тех, что позже
Состарятся в свои земные сроки
И поуходят, унося с собой
Восторженный испуг – перед строкой,
Перед судьбой – осенней, одинокой,

В тумане, там... где призрачен покой...

Где бездна, высь и ветер голубой.

* * *

У дней минуты умыкать
И терпеливо замыкать
Земной орбиты эллипс.

Зима. Чего ж ещё желать?

Чего ж ещё нам пожелать?..
Метелям, вьюгам – исполать!
Как рано вы слетелись.

А мы успели постареть
Под рыки хэви-рока,
И лето красное пропеть,
И не дозрев, в траве дозреть,
Упав с дерев до срока.

И дочитать последний акт
Любви (и всё – стихами),
И дописать последний такт
Кантаты, где найти контакт
С ночными петухами,

Чтоб в лад и сладостно орать
(Под утро – ежечасно),
И страстно время ощущать,
И не пущать, и обличать,
И обнищать,
И обмельчать

Дабы не стать несчастным.

* * *

Не искушай законы Ома –
Не лезь в электросеть рукой.

Блины твои всё больше комом.
Слоны ушли на водопой.
И дымен дом, и все ли дома,
И мёрзнет холод у парома,
И не в запой, так на покой
Ушёл паромщик ломовой.

И против лома – нет облома.

* * *

А что посеял – то и жнёшь!..

Дворняга уличный, гаврош

Сырых садов, канав, заборов,
Сеней простудных, коридоров,
Где в кровлях дыр не перечесть,
Он здесь везде, он в души вхож,
Он – как сквозняк

И ты сдаёшься,
И сознаёшь,
И сознаёшься:
Цена твоим усилиям грош,

Когда свобода листопада,
И сутемь, и тепла не надо,
И задышал ноябрь на ладан,

И что посеял, то и жнёшь.

* * *

О, не стоящее на месте настоящее:
Ни удержу, ни передыху нет!
И будущего нет – лишь уходящее
Мелькнёт, толкнёт, освищет –
И привет.

И только в прошлом мы свои, мы дома.
И странствуя меж хламом и старьём,
С тоской и удивленьем узнаём,
Как много нам внове и незнакомо.
И первая любовь – жива, живёт,
И как и ты, удивлена немного,
И судят нас, но грустно и нестрого,
Полынная заросшая дорога
И тот подъём,
И этот поворот,

Где можно всё вернуть,
Догнать, успеть

И не о чем рыдать и сожалеть.

* * *

Мы слышали сову: встревоженные совы

До поздних петухов вносили свой протест.
Они пеняли нам, что не готовы
Мы, уходя, оставить всё, как есть.

И мы смогли понять высокогорность горя,
Совиную тоску и сообразье бед
Со множеством беды, когда доцвёл цикорий,
Сопрел пырей и высох бересклет.

Смогли понять – но не могли вернуться
К началу, где исход ещё не предрешён,
Где призрачность надежд, любви и веры усталь
Пока лишь впереди, всего лишь дальний звон.

Но было нам тревогу, несогласье,
Тоску и боль – с судьбой соотнести.
Земля в пути.
В пути и верит в счастье!

Не помешай
Себя ей обрести.

* * *

И снова торжествует – протоплазма!..
Ещё не зная слова, но уже
Сочувствуя невспыхнувшей душе,
Раскручиваясь жадно и непраздно,
Она надёжных ищет сторожей

Для будущих деяний,
Движений в предстоящем сонме лет,
Которым нет ни формы, ни названий,
Поскольку слова нет – и речи нет.

Но движима инстинктом и любовью
Бог весть кого неведомо к чему,
Своей сырой, прекрасной красной кровью
Она дорогу высветит уму.

И поклоняясь запахам и звукам,
Цветам во сне и цвету наяву,
Ты распахнёшь со скрежетом и стуком
Глухую дверь – и ступишь на траву

И удивишься: – Надо же! Живу.

* * *

Часы мудры – их смысл сокрыт.
Им остановка не грозит.

Свой бег или своё топтанье
На месте (а предел скитаньям –
Станичный мой замшелый скит)
Они продолжают. Лёд не в счёт.
А снег – что снег? – истёк, растаял.
И птиц весенний перелёт
Не то, чтоб отменён, но ждёт,
Но жаждет встречного движения.

Мой тихий скит давно обжит
Звучаньем снов, и вхожи тени:
То старый Дюк (он неременен),
То, кто моложе – Элвис, Леннон,
То вдруг – Эйнштейн! Вот с ним – дела:
Он взвёл (Вселенная взвела!)
Да и развесил на пространствах
Свои весёлые часы.

Но это больше для красы,
Для похвальбы и самозванства.
И нам нисколько не грозит
Обещанный раздрай вселенной:
Нас помнят тени – Глен и Леннон,
И старый Дюк, что неизменен
И никакой попсой не смывает.

И счастлив мой замшелый скит,
Где книги и почтовый ящик,
И отдыхает телеящик,
И глушь, и тишь, и мир входящим,

И лгут часы,
И лунный лик,

И терпелив твой часовщик.

* * *

А высота уже не та,
И колокольня без креста,
И вялость палого листа –
Июльских засух мета.
Твоя осенняя верста.
Душа согбенна и чиста.

Дождей грибная суета,
И отдыхает лето.